

Рабочие и интеллектуалы

Источник: [здесь](#). Перевод рассуждений одного из самых известных анархистов – Эррико Малатеста (1853-1932) – о роли интеллектуалов в обществе в целом и в социальной борьбе в частности. Хотя он не уделял этому сюжету отдельного внимания, а текст составлен из отрывков разных работ, Малатеста затрагивает важные темы, активно обсуждаемые до сих пор: как культурное неравенство преобразуется в экономическое и наоборот; существует ли опасность в росте авторитета т. н. «специалистов»; какой должна быть институциональная форма интеллектуальной работы и многие другие. Рассуждения будут интересны не только (и не столько) тем, кто вовлечен в интеллектуальную работу, но широкому кругу читателей.

Истоки разделения людей на «интеллектуалов» (которые часто являются обычными бездельниками, никак не связанными с интеллектуальностью) и «рабочих» можно обнаружить в тех периодах, когда производство, достаточное для удовлетворения потребностей всех, требовало непосильной и малопривлекательной работы, а преимущества солидарности и кооперации были проигнорированы. Самые сильные и удачливые сумели заставить других работать на себя. Этот физический труд, кроме того, что был до известной степени изнуряющим, стал еще и символом социальной неполноценности. Поэтому аристократы охотно уставали, убивая друг друга во время рыцарских турниров, на опасной и изнурительной охоте, изматывались на соревнованиях, но почувствовали бы себя опозоренными, если бы «замарали руки», взявшись даже за самую легкую производительную работу. Работа была чем-то, что делают рабы. Сегодня это по-прежнему так, не смотря на значительные достижения в прикладной механике и науке, благодаря которым приятная, требующая разумного времени и физических усилий работа сможет в избытке удовлетворить потребности всех.

Когда каждый будет иметь в свободном пользовании средства производства и ни один человек не сможет заставить других работать на себя, тогда будет в интересах всех организовывать работу как можно более продуктивно и приятно. Тогда каждый сможет продолжать своё обучение – полезное или бесполезное –, не становясь нахлебником. Здесь не может быть дармоедов, во-первых, потому, что никто не захочет нахлебничать и, во-вторых, потому, что каждый будет решать какую долю физического труда он может уделить общему производству. В то же время люди смогут удовлетворить потребности своего тела, нуждающегося в физической активности.

Каждый может работать, в том числе поэты и трансцендентные философы, без негативных последствий для поэзии и философии. Напротив...

У нас нет предубеждений насчёт «рабочего класса». Мы не превозносим работника физического труда только из-за того, что он трудится физически. И самое главное: мы не восхищаемся необразованными и неграмотными, теми, у кого всё-таки есть веские основания говорить, что их состояние – не их вина.

Мы – революционеры, и знаем, что революция осуществляемая без участия сил и ценностей, которые не могут быть приобретены без интеллектуального бекграунда, вполне может казаться радикальной, но на самом деле будет представлять собой не большее, чем вспышку гнева, без смысла и без будущего. И по этой причине мы всегда приветствуем с распростёртыми объятиями и поддержкой писателей, артистов, учёных, инженеров, техников и всех, кто может предложить ум, богатый идеями и владеющий фактами.

Но с другой стороны, нам известно, что большинство так называемых интеллектуалов, из-за своей образованности, происхождения и классовых предубеждений связаны с правящей элитой и, как правило, хотят подчинить массы своей воле. Тогда как рабочие массы, даже если они невежественны или безграмотны, согласно своим потребностям и своей тяге к справедливости, являющейся результатом несправедливости которой они подвергаются, образуют главную силу, лежащую в основании революции и являются залогом того, что она не станет простой сменой хозяев.

Поэтому мы принимаем интеллектуалов с легкостью и без всяких подозрений когда они сливаются с рабочим классом, когда они присоединяются к народу без претензий на руководство; без покровительственного отношения, но с открытым умом людей, находящихся среди братьев, чтобы отдать им долг, который они приняли на себя, получив образование и развив свой интеллект, в большинстве случаев вместо детей тех, чей физический труд создал такую возможность.

Эмма Гольдман (в «Моё дальнейшее разочарование в России») среди главных причин провала Русской революции называет враждебность, ненависть, которую рабочие чувствовали к интеллектуалам, и их презрение к науке и интеллектуальной сфере. Мне кажется это не совсем верно.

Рабочие даже слишком уважают и восхищаются образованными людьми [...] у которых очень часто совсем низкий уровень образования. Такое отношение – это одновременно и хорошо и плохо. Поскольку существует очень много разных интеллектуалов: революционные и реакционные, хорошие и плохие, и – самое главное – вредные и полезные, в зависимости от объекта, к которому они прилагают своё образование и свою деятельность. Есть ученые, доктора, инженеры, артисты, учителя, но есть так же священники, юристы, политики и военные специалисты.

При этом можно сказать, что в Италии борьба происходит между интеллектуалами, в то время как основная масса, как это обычно бывает, является лишь инструментом [в их борьбе]. Я думаю, что в России то же самое, ведь можно заметить, что все – ну или почти все – лидеры Русской революции являлись интеллектуалами.

Безусловно, пока наука и высшее образование будут привилегией меньшинства (а это будет продолжаться пока господствует существующая экономическая система), те, кто владеет знанием неизбежно будут господствовать над теми, у кого его нет. Но для того, чтобы это превосходство не было причиной и средством увековечивания существующего зла или создания новых привилегий и новых тиранов, нужно одновременно подчеркивать величие науки и техники и вдохновлять неграмотных образовываться и развиваться.

Необходимо также чтобы они чувствовали и понимали, что безграмотность – это не причина быть униженными и угнетенными, но напротив, это дает им право уделять больше внимания образованию, в качестве компенсации за то, что они были лишены одних из лучших вещей в человеческой цивилизации.

Интеллектуалы, которым посчастливилось получить образование, если они принимают участие в революции в силу искреннего стремления к всеобщему благу, должны встать на уровень тех, кому посчастливилось меньше, чтобы помочь им подняться, а не смотреть на массы, как на стадо, которому нужен пастух [...] и оббирать их, лишая тем самым шанса воспитать в себе ответственность и свободу или, еще хуже, принуждать их к повиновению используя жандармов.

То, что мы можем назвать естественным стремлением интеллектуалов – это держаться подальше от народа и объединяться в кружки; зазнаваться и, в конечном итоге, считать себя защитниками и спасителями, которых массы должны почитать [...] и обслуживать. Отделение от масс и иллюзия борьбы за общее благо, наряду с наслаждением благоприятным положением и различиями в уровне жизни, содействует только тому, что авторы Воззвания [к созданию Интернационала интеллектуалов] так верно осудили: формирования «вредной и опасной касты» внутри движения рабочего класса.

Но всё же, какова могла бы быть деятельность и цель этого специфического Интернационала?

Если речь идет об ассоциации наподобие уже существующих, цель которых – помощь в изучении науки, истории и литературы или распространение «культуры в целом» среди народа, то проект был бы осуществимым и полезным. Все просвещенные люди, независимо от партии и класса, могли бы участвовать в такой затее. Истина, наука не является ни буржуазной ни пролетарской, и все могут чувствовать заинтересованность в её прогрессе.

Но предлагается создать организацию для борьбы. Организацию, которая хочет занять место в социальной борьбе. В таком случае, как могут держаться вместе и заниматься полезным делом люди, даже имеющие более или менее одинаковые конечные цели, но использующие различные средства, принадлежащие к конкурирующим политическим партиям и, в каждом практическом вопросе находящие себя по разные стороны баррикад? Как пацифисты и сторонники войны, революционеры и легалисты, демократы и сторонники тоталитаризма, сторонники власти и анархисты достигнут согласия?

На практике это должно случиться с любым Интеллектуальным интернационалом, который не является ни чисто научным, ни чисто политическим учреждением, ни организацией, тесно связанной с одной из партий. Немного пафосных манифестов, декоративная поддержка от нескольких «громких имен» из тех, кто из-за толи из-за ничтожности, то ли из-за лени со всем соглашаются [...], а затем фиктивное, шаткое и бесполезное существование. И даже такое жалкое существование не сможет продолжаться без создания бюрократии, заинтересованной в продолжении организации [...] и в её доходах. Эта бюрократия, как только основатели устанут и отойдут от дел, сможет долгое время вести работу по заполнению списка участников именами тысяч людей, знающих писателей.

Но как это может быть полезно для дела?

По этим причинам, я считаю, что нашим друзьям, оказавшимся вовлеченными в эту авантюру, не мешало бы повторить спустя 50 лет поступок Михаила Бакунина, когда на Конгрессе Ассоциации за мир и свободу он заявил, что мир и свобода могут быть обеспечены только благодаря борьбе среди рабочих за социальную справедливость. Он покинул эту Ассоциацию, которая также была разновидностью Интернационала интеллектуалов, и, вместе с меньшинством революционных социалистов, присутствовавших на Конгрессе, присоединился к Международному союзу трудящихся...

Версия #1

██████████ ██████████ создал 5 июля 2025 01:25:33
██████████ ██████████ обновил 5 июля 2025 01:26:39